

Е. Шмурло

**XVI-й век, его значение в
Русской истории**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е. Шмурло**
XVI-й век, его значение в Русской истории / Е. Шмурло – М.: Книга по Тре-
бованию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-518-00315-6

ISBN 978-5-518-00315-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

по мнѣнію третьяго, то есть, Полевого, воцареніе Петра вводитъ Россію въ *европейскій* періодъ ея жизни¹⁾. Погодинъ высказывается вполне опредѣленно, говоря, что «нынѣшняя Россія . . . есть произведение Петра Великаго . . . у котораго въ рукахъ концы всѣхъ нашихъ нитей соединяются въ одномъ узлѣ»²⁾. Наконецъ, послѣдній изъ названныхъ историковъ, Устряловъ, держится того мнѣнія, что до Петра мы были лишены активнаго и самостоятельнаго положенія въ Европѣ, «коснѣли въ старыхъ понятіяхъ», лишены были «внутренняго стремленія къ лучшему», «самобытнаго развитія своихъ силъ, умственныхъ и промышленныхъ, яснаго сознанія необходимости образованія народа»³⁾.

Къ этой группѣ историковъ до извѣстной степени примыкаетъ и проф. Брикнеръ, видящій въ эпохѣ преобразованій одинъ изъ наиболѣе важныхъ моментовъ превращенія Россіи изъ государства азіатскаго въ европейское. «Историческое развитіе Россіи», — говорятъ названный ученый, — «впродолженіе послѣднихъ вѣковъ заключается главнымъ образомъ въ превращеніи ея изъ азіатскаго государства въ европейское. Замѣчательнѣйшею эпохою въ процессѣ европеизаціи Россіи было царствованіе Петра Великаго»⁴⁾. Также и М. Ф. Владимірскій-Будановъ — правда, только въ сферѣ права — начинается съ Петра третій, императорскій, періодъ⁵⁾. За то другой историкъ-юристъ, Н. П. Загоскинъ, признаетъ эту грань не только для исторіи русскаго права въ частности, но и для русской исторіи вообще. «Съ началомъ единодержавнаго царствованія Петра I», — замѣчаетъ онъ, — «русская государственная, общественная и юридическая жизнь терпитъ коренныя преобразованія; въ эту жизнь вносятся новыя, до тѣхъ поръ неизвѣстныя ей, или по крайней

1) Исторія Русскаго народа, томъ I, предисл., стр. XLIII.

2) Петръ Великій. Москвитянинъ 1841, № 1, стр. 3.

3) Исторія царствованія Петра Великаго. Томъ I, введеніе, стр. XXVIII—XXIX.

4) Исторія Петра Великаго. Спб. 1882. Введеніе, стр. V.

5) Обзоръ исторіи русскаго права. Вып. I, стр. IV.

мѣрѣ не сознававшіяся ею начала, — начала заимствованныя изъ западно-европейской жизни»¹⁾). Наконецъ, едва ли не всѣ учебники, начиная со Строева²⁾ и кончая гг. Иловайскимъ и Рождественскимъ, именно Петромъ Великимъ дѣляютъ старую Россію отъ новой.

Съ тѣхъ поръ какъ упомянутыя школы формулировали свои воззрѣнія, прошло не мало времени; но съ ними приходится считаться и до сихъ поръ, ибо онѣ все еще не стали явленіемъ историческимъ, а продолжаютъ имѣть каждая своихъ представителей. За послѣдніе годы старая распря даже вновь ожила, благодаря полемикѣ Н. Н. Страхова съ Вл. С. Соловьевымъ, а повторительныя изданія книги Н. Я. Данилевскаго: «Россія и Европа» и перваго тома сочиненій К. С. Аксакова вмѣстѣ съ недавнимъ выходомъ въ свѣтъ послѣдняго труда А. Н. Пыпина: «Исторія русской этнографіи» еще болѣе освѣжаютъ прежніе взгляды.

Правда, крайностямъ старыхъ воззрѣній нѣтъ уже болѣе мѣста; но это не мѣшаетъ поклонникамъ и антагонистамъ Петра I существенно расходиться еще по многимъ пунктамъ. Больше всего уступокъ впрочемъ сдѣлали славянофилы. Еще много раньше старое поколѣніе ихъ отъ лица Хомякова говорило, что для нихъ весь вопросъ въ томъ: былъ ли царь *полнымъ* представителемъ потребностей русскаго народа, потому что *частную* правду его дѣла они никогда не отвергали³⁾. Нынче тѣ же славянофилы, въ лицѣ Н. Я. Данилевскаго, порицаютъ только нѣкоторыя стороны преобразовательной дѣятельности Петра: безусловно вредными признаются однѣ перемены въ бытѣ, нравахъ, обычаяхъ и понятіяхъ русскаго народа. «Просвѣщеніе . . . слѣдовало не насаждать извнѣ, а развивать изнутри. Ходъ его былъ бы медленнѣе, но за то вѣрнѣе и плодотворнѣе». Но Петръ, страстный и увлекающійся, влюбился въ Западъ и «захотѣлъ во

1) Исторія права Московскаго государства. Томъ первый, стр. 8.

2) Краткая російская исторія въ пользу Россійскаго юношества. Москва. 1814, стр. 90 (съ 1689 года).

3) Сочиненія. М. 1861. Томъ I, стр. 589.

что бы то ни стало сдѣлать Россію Европой». А потому онъ искалѣчилъ народъ свой и принесть ему «величайшій вредъ», ибо «русская жизнь была насильственно перевернута на иностранный ладъ». За то въ дѣятельности тѣсно государственной, въ созданіи учреждений и техническихъ средствъ царь заслужилъ право на вѣчную признательность потомства, на «имя Великаго, имя основателя русскаго государственнаго величія»¹⁾.

Другіе идутъ еще далѣе Данилевскаго въ признаніи заслугъ царственнаго реформатора. Горячій сторонникъ славянофильскихъ теорій автора «Россіи и Европы», К. Н. Вестужевъ-Рюминъ, говоритъ: «Петръ — величайшій представитель русскаго духа: онъ вождь своего народа, и по праву рожденія, и по праву генія; онъ видитъ ясно цѣль . . . онъ знаетъ, что нужно времени . . . Если что-нибудь изъ затѣяннаго имъ и не привилось, то это по большей части что-нибудь *второстепенное* для его цѣли» . . . Петръ возвелъ «въ своей гениальной природѣ качества *народныя* до высочайшей степени . . .»²⁾. Тотъ же ученый замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ, что дѣло Петра было искажено при его преемникахъ, иностранцы получили незаконное преобладаніе, и съ критикой реформы «выступила, разумѣется, идеализація стараго быта». Возраженія славянофиловъ справедливы только отчасти; «мало ли сколько постороннихъ элементовъ примѣшалось къ великому подвигу Петра» впоследствии?³⁾ Точно также и покойный О. Э. Миллеръ, котораго никакъ уже нельзя причислить къ школѣ западниковъ, полагалъ, что правое дѣло Петра сильно исказилось послѣ его смерти, а это-то и вызвало столь неодинаковые отзывы о реформѣ въ литературѣ XVIII и XIX столѣтій⁴⁾. Очевидно эти послѣднія воззрѣнія уже далеко

1) Россія и Европа, изд. 4-е, стр. 285—287.

2) Чему учить русская исторія. Древняя и Новая Россія 1877, № 1, стр. 20.

3) Причины различныхъ взглядовъ на Петра Великаго въ русской наукѣ и русскомъ обществѣ. Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1872, № 6, стр. 149—156.

4) Объ отношеніяхъ русской литературы къ Петру Великому. Русская Старина 1873, т. VII, № 3, стр. 406—411.

отошли отъ представленій, напримѣръ, К. Аксакова и его единомышленниковъ.

Что касается до западниковъ, то, если судить по наиболѣе видному представителю ихъ, А. Н. Пыпину, то они гораздо цѣпче въ своихъ воззрѣнїяхъ и труднѣе расстаются съ прежнею оцѣнкою до-Петровской Руси. Они и до сихъ поръ продолжаютъ утверждать, что Московская Россія была лишена яснаго, отчетливаго самосознанія, обладая, подобно средневѣковой Европѣ, однимъ только «инстинктивнымъ» самосознаніемъ, «не доконченнымъ», полудѣтскимъ. Московская Русь не способна была къ понятію народной *цѣльности* (курсивъ подлинника), вслѣдствіе феодальнаго или подобнаго порабощенія и безправности народныхъ массъ. «О нравственномъ правѣ» этихъ массъ «не могло быть и рѣчи». Какъ въ средніе вѣка въ Европѣ, такъ и у насъ вплоть до Петра Великаго «національность была гораздо менѣе сознаніемъ, нежели чувствомъ и инстинктомъ», при томъ проявляясь въ исключительныхъ тѣсныхъ предѣлахъ, огуломъ обозначая все западноевропейское именемъ «нѣмецкаго» или «фряжскаго». Напрасно также славянофильская школа считаетъ общественныя и государственныя формы жизни московскаго періода за самое подлинное и характерное созданіе русскаго народа. Эти формы были явленіемъ временнымъ, а, слѣдовательно, и переходящимъ. Да и «могла ли считаться такой окончательной формою та, которая правила восточнымъ деспотизмомъ и основала крѣпостное рабство народа?» Монгольское иго оставило по себѣ слишкомъ глубокой слѣдъ, порабощеніе личности было слишкомъ велико, протесты, находившіе свое выраженіе въ цѣломъ рядѣ бунтовъ XVII вѣка, слишкомъ значительны, — чтобы все это позволяло идеализировать бытъ до-Петровской Руси и рисовать его свѣтлыми красками¹⁾.

Таковы въ главныхъ чертахъ основныя положенія двухъ знаменитыхъ школъ въ ихъ современной, позднѣйшей, стадіи развитія.

1) А. Н. Пыпинъ, Исторія русской этнографіи, I, 6—15.

Нельзя не признать, что въ обоихъ воззрѣнiяхъ проявляется, пускай невольное, но все же большое уклоненiе отъ истины. Идеаль Данилевскаго — насаждать просвѣщенiе не извнѣ, а развивать его изнутри — вѣрный самъ по себѣ, былъ не примѣнимъ для даннаго времени. Россiя *уже была слишкомъ европейскою* державою, чтобы поколѣнiями выработывать то, на достиженiе или обезпеченiе чего Петръ употребилъ единицы лѣтъ. Держаться въ сторонѣ отъ международной жизни, сознательно чураться европейскаго просвѣщенiя, значило, наложить на себя руку и перейти въ разрядъ или азиатскихъ, или третьестепенныхъ европейскихъ государствъ. Никто не станетъ отрицать крайностей и увлеченiй Петра Великаго, но торопливость его дѣйствiй не составляла личныхъ свойствъ государя, а висѣла, такъ сказать, въ воздухѣ. Перiодъ школь — а вѣдь таковое значенiе имѣло для Россiи болѣе тѣсное соприкосновенiе съ Европой! — есть всегда перiодъ увлеченiй, заимствованiй. Способность въ эти годы *jugare in verba magistri* говоритъ только въ пользу ученика, доказывая его даровитость, воспрiимчивость, богато одаренную натуру. Вѣдь только для души косной и неспособной проходить безслѣдно слово учителя . . .

Перехода къ другому воззрѣнiю, разумѣется, охотно признаемъ, что формы Московскаго государства и быта были временныя, а не выражали собою исконныхъ національныхъ чертъ русскаго народа; да едва-ли теперь кто изъ славянофиловъ и станетъ серьезно поддерживать это представленiе. Точно такъ живнѣ сомнѣнiя и тотъ фактъ, что сплоченiе восточно-славянскихъ племенъ въ одно государство произошло далеко не въ такой благодушной формѣ, какъ это казалось нѣкогда славянофиламъ первой формаци. Не можемъ спорить и противъ того, что татарское владычество оставило глубокой отпечатокъ въ нашихъ нравахъ и формахъ государственныхъ, что въ до-Петровскую эпоху личность жила порабощенною, а «цѣльность» не была еще достигнута вполне и что разрывъ между высшими и низшими классами — въ чемъ, какъ извѣстно, славянофилы постоянно упре-

каютъ людей XVIII—XIX вв. — началъ замѣтно проявляться еще и раньше: движеніе антиприказное, всѣ эти бунты казацкіе и крестьянскіе, опозитизированіе Разина въ гѣсняхъ народныхъ, — ясно говорятъ, что идеалы XVII вѣка далеко не всѣми понимались одинаково.

Но оказалась ли панацеей этому злу реформа Петра? Развѣ можно еще говорить о «цѣльности» въ эпоху Пугачевщины? . . . Втеченіе всего XVIII вѣка раскольники бѣгутъ въ лѣса, предають себя сожженію . . . Если въ XVII столѣтіи «народъ протестовалъ противъ насилія бѣгствомъ отъ государства на окраины въ казачество, разбойничествомъ, которое дошло до эпическихъ размѣровъ въ дѣяніяхъ Стеньки Разина»¹⁾, то и въ послѣдующемъ вѣкѣ угнетенная масса находитъ свой идеалъ въ Ванькѣ Каинѣ и въ подвигахъ на большой дорогѣ. Разбойничество — повсемѣстное зло XVIII вѣка; а вѣдь что оно такое, какъ не то же казачество, только въ формѣ, обусловленной инымъ временемъ? «Украиннѣ» больше нѣтъ; ихъ заняла сильная правительственная власть, бѣжать больше некуда, дѣйствовать сплошною массою нельзя — приходится разбрасываться по мелочамъ. Мѣры московскихъ государей, дѣйствительно, были круты; но не забудемъ, что рядомъ съ этой «восточной деспотіей» мирно уживались земскіе соборы. А. Н. Пыпинъ самъ признаетъ правленіе Петра деспотіей, и при томъ весьма суровою. Но подобную «суровость» не трудно отыскать и въ болѣе позднее время. Эпоха временщиковъ, самовластіе Меншикова, Долгорукихъ, наконецъ, Бироновщина, — едва ли все это было для народа легче, чѣмъ злоупотребленія Морозова, Плещеева, Милославскихъ и др. Въ такомъ случаѣ можно ли говорить, что въ XVIII столѣтіи существовало «нравственное право», существовала «личность»? Последняя появляется никакъ не ранѣе 19-го февраля 1861 года.

Во всякомъ случаѣ «крѣпостное рабство народа» создано

1) Пыпинъ, Исторія русской этнографіи, I, 10.

было не строемъ Московскаго государства, а условіями чисто *опытными*¹⁾. И ужъ если когда говорятъ о крѣпостномъ правѣ, то всего умѣстнѣе въ XVIII вѣкѣ, послѣ Петра, когда оно получило свой отвратительный смыслъ и содержаніе; къ этому времени — если уже непременно надо это дѣлать — скорѣе отнесемъ мы и образованіе привилегированно-феодальнаго класса, ибо боярство XVI—XVII вв. главнымъ образомъ характеризуется какъ сословіе *служилое*, опредѣляется повинностями, а не правами. Злоупотребленія высшихъ слоевъ общества въ московскій періодъ никогда не носили того отпечатка, какъ на Западѣ, ибо «завоеванія» въ смыслѣ западно-европейскомъ у насъ никогда не удастся доказать; а отсутствіе «завоеванія» обусловило и отсутствіе такой обидной розни сословной.

Очевидно, намъ до тѣхъ поръ не выбраться изъ дебрей Петровскаго вопроса, доколѣ мы не отрѣшимся разъ на всегда отъ ложнаго представленія, будто эпоха Петровская есть какая-то грань, какой-то рѣзкій рубежъ межъ старой и новой Россіею. Вотъ почему, изображая XVII и XVIII вѣка, какъ два совершенно обособленныхъ міра, мы непременно впадемъ въ противорѣчіе съ реальными фактами, будемъ ли смотрѣть глазами западниковъ или славянофиловъ. Чтобъ быть послѣдовательными, первымъ всегда приходилось отвергать въ пореформенной Россіи черты, аналогичныя съ чертами XVII вѣка, и закрывать глаза на явленія Московской жизни, однородныя съ фактами послѣдующаго времени. Совершенно одинаково поступали и славянофилы, въ обратномъ только порядкѣ. На дѣлѣ же вовсе не было такой противоположности, и худая сторона продолжала сохраняться, равно какъ и старое добро не думало изсякать послѣ

1) Это признають и такіе сторонники реформы Петра, какъ Вл. С. Соловьевъ. «Главные грѣхи московской Россіи», — говоритъ онъ, — «были въ значительной степени грѣхами невольными, зависѣли отъ внѣшнихъ историческихъ обстоятельствъ». (Очерки изъ исторіи русскаго сознанія. Вѣстникъ Европы 1889, № 5, стр. 292). Замѣтить, что авторъ, по его собственному признанію, «въ большинствѣ случаевъ совершенно согласенъ» со взглядами А. Н. Пыпина на славянофиловъ (Ibidem, № 11, стр. 363, примѣчаніе).

петровскихъ преобразованій. Весь вопросъ такимъ образомъ сводится къ разницѣ не качественной, а только количественной. Последняя же — всякій признаетъ — явленіе вполне естественное и неизбежное въ нормальной жизни общественныхъ организмовъ.

Точно также и взглядъ С. М. Соловьева — въ данномъ случаѣ его раздѣляетъ и г. Пыпинъ — будто до-Петровская Русь аналогична съ средними вѣками З. Европы¹⁾, долженъ быть признанъ не вѣрнымъ и устарѣлымъ, ибо ошибочно такъ далеко вести наше «средневѣковье»: оно окончилось одновременно съ западно-европейскимъ, то есть, въ концѣ XV, къ началу XVI вѣка; и если его черты проскальзываютъ и позже, то то же самое, въ силу естественныхъ законовъ человѣческаго развитія, видимъ мы и у своихъ сосѣдей. Развѣ «безправность» массы есть признакъ специально средневѣковой Европы? Развѣ положеніе ея во Франціи даже XVIII стол. было удовлетворительно въ правовомъ отношеніи? Не она ли возстала и сломила существующій порядокъ? Развѣ не въ Германіи въ эту же пору мелкіе владѣтельные князья торговали своими подданными и поставляли ихъ на рекрутскій рынокъ любому наборщику? Говорятъ, что до-Петровская Русь опредѣляла свое національное бытіе не единствомъ политическихъ стремленій, а религіей, противопоставляя православіе «поганой латыни» и «невѣрному басурманству»; но, вѣроятно, это не было исключительною принадлежностью русскаго народа, когда въ Западной Европѣ вплоть до конца XVII вѣка самосознаніе національное сплошь и рядомъ сливалось съ религіознымъ самоопредѣленіемъ.

Вотъ почему, если для Запада національное самосознаніе возникаетъ съ конца XV, съ начала XVI вѣка, то ничто не мѣшаетъ признать появленіе его и у насъ съ той же поры. Вѣдь объединеніе Италіи и Германіи совершилось, можно сказать, только на нашихъ глазахъ; серьезныя попытки къ его осуществленію нача-

1) Соловьевъ, Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. М. 1872, стр. 6—9.

лись лишь въ началѣ текущаго вѣка; вѣдь такъ еще сравнительно недавно Метернихъ имѣлъ право бросить Италія презрительное прозвище «географическаго термина»

Разумѣется, русское національное самосознаніе XVI—XVII вв. было уже нынѣшняго, но все же достаточно широко, чтобы не называть его только «инстинктивнымъ» и «не доконченнымъ». Если Западъ въ ту пору рисовался народной массѣ сплошь «фряжскимъ» или «нѣмецкимъ», то вѣдь и нынѣ она именуетъ *нмцемъ* и *басурманомъ* всякаго иноземца, въ первомъ случаѣ — неправославнаго христіанина, во второмъ — мусульманина или язычника. Едва ли и теперь извѣстно ей существованіе испанцевъ, итальянцевъ, шведовъ, датчанъ Неужели Иванъ Грозный, Борисъ Годуновъ, Алексѣй Михайловичъ, Ордынъ-Нащокинъ по дѣтски понимали національные интересы своего времени? Программа русско-литовскихъ отношеній была выработана этими дѣятелями, и Екатеринѣ II только оставалось ее выполнить; балтійскій вопросъ давно уже назрѣлъ въ сознаніи русскаго общества, когда великій Петръ принялся за его осуществленіе. Идея народной цѣльности точно также крѣпко овладѣла людьми XVI—XVII вѣковъ; только она могла породить и отыскать тѣ силы, которыя сберегли Русскую землю отъ общей распатанности въ тяжелую годину страшнаго Лихолѣтя. Всякій признаетъ, что по силѣ національнаго подъема 1612 годъ не только не ниже, но и выше, величавѣе 1812-го. Въ то же время растегъ и крѣпнетъ идея о Москвѣ — третьемъ Римѣ, что неизбежно выдвигало насъ въ сферу болѣе широкихъ національныхъ представленій.

Итакъ эпоха Петра Великаго не есть какой-нибудь водораздѣлъ, рѣзко отдѣляющій двѣ совершенно различныхъ системы. Нѣтъ! И до нея, и послѣ нея мы видимъ одно теченіе однѣхъ и тѣхъ же водъ. Только раньше это были ручьи, когда робкіе (въ сферѣ культурной), когда достаточно сильные и полноводные (въ сферѣ международныхъ отношеній), подчасъ еще только отыскивающіе свое русло, пробивающіе новую дорогу, но уже всегда позво-

ляющіе опредѣлить характеръ будущаго теченія. Теперь они естественно слились въ одну большую рѣку, — и впечатлѣніе само собою выигрываетъ въ силѣ, а для нѣкоторыхъ даже и въ неожиданности. Только этою неожиданностью да трудностью услѣдить всѣ связующія нити и объясняется господствующее представление о преимущественно качественной, а не количественной разницѣ XVII и XVIII вѣковъ.

Но гдѣ же въ такомъ случаѣ слѣдуетъ искать истока этихъ ручьевъ? Откуда берутъ они свое начало? Давно уже ищутъ ихъ на всемъ пространствѣ XVII столѣтія, а за послѣднее время начало новаго періода русской исторіи всего охотнѣе возводятъ къ воцаренію Дома Романовыхъ, къ прекращенію Смуты.

Еще въ прошломъ столѣтіи славный нашъ историографъ Г. Ф. Миллеръ писалъ: «на исторію Федора можно смотрѣть, какъ на переходъ отъ великихъ дѣяній царя Алексѣя Михайловича къ преобразованіямъ, совершеннымъ Петромъ Великимъ. Только въ Западной Европѣ это царствованіе осталось весьма мало извѣстнымъ. Исторія должна справедливо судить о всякомъ государѣ, и съ благодарностію замѣтить, сколь многое уже было приготовлено отцомъ и братомъ Петра Великаго¹⁾. Соловьевъ прямо относилъ царствованіе Федора Алексѣевича къ эпохѣ преобразованій²⁾; Кавелинъ уже въ сороковыхъ годахъ настаивалъ на внутренней связи между Россією XVII вѣка и временемъ Петра Великаго³⁾; послѣ него еще рѣшительнѣе развивалъ эту мысль Горскій⁴⁾; послѣдній періодъ русскаго законодательства и *внутренней народной жизни* Бѣляевъ велъ отъ царя Алексѣя⁵⁾; В. И. Сергѣевичъ эту связь Петровской эпохи съ прошлымъ проводить еще далѣе⁶⁾; да и А. Г. Брикнеръ въ своемъ

1) Е. Е. Замысловскій, Царствованіе Федора Алексѣевича, часть I, стр. 08.

2) Исторія Россіи, томъ XIII.

3) Сочиненія, I, 371.

4) Объ историческомъ значеніи царствованія Алексѣя Михайловича. Казань 1857, стр. 4—6.

5) Лекціи по исторіи русскаго законодательства. М. 1879, стр. 5.

6) Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. Спб. 1888, стр. 43—60.